

который на положении русского митрополита явился инициатором по введению нового правописания и нового литературного стиля в русской письменности, был в первый раз послан в Киев в 1373 г., а назначен киевским митрополитом в 1375 г., когда на Балканах (хотя и после катастрофы на Марице 1371 г.) никто еще не мог думать о возможности грядущей гибели Сербии и Болгарии. Гениальный Феофан Грек, живопись которого сыграла столь важную роль для формирования нового иконописного стиля, работал в новгородских церквях в 70-х годах XIV в. Эти годы — третья четверть XIV в. — были эпохой апогея политического могущества Сербии и Болгарии. Душаново «царство сербов и греков» (в границах которого находился в то время и главный центр культуры тогдашнего православного мира — Святая Гора) предполагало в перспективе завоевание Константинополя и переход к Сербии политической и культурной роли Византийской империи. Болгария при Иоанне Александре, шурине царя Душана, «царя всех болгар и греков» (1331—1371), особенно после смерти Душана, проявляла те же миродержавные претензии и мечты о Тырнове как о столице «Третьего Рима». Для Руси, которая в те годы находилась еще в процессе государственного объединения с двумя центрами концентрации (в Литве и в Москве) и только еще готовилась к свержению татарского ига, представления о славянских царствах на Балканах должны были быть окружены ореолом политического могущества и блестящей культуры. С другой стороны, сами балканские царства, ослабленные развивавшимся феодализмом, в сознании своих достаточно ограниченных военных сил и финансовых возможностей (как в отношении друг к другу, так и в отношении внешних врагов, в частности к стихийному завоевательному движению турок) должны были учитывать реальные возможности, которые стояли перед быстро крепшей Русью, и ее экономическую базу, в частности экономические ресурсы Москвы, которые в то время составляли довольно важную графу в бюджете константинопольского патриарха. Южнославянское влияние в России должно было явиться как результат культурной экспансии гордых своим политическим возвышением и культурным авторитетом славянских царств на Балканах. Эта экспансия встретила братский прием на Руси, которая в эту эпоху развития своих военных и материальных сил сама тяготела к подъему культуры и искала учителей и примеры подражания в Царьграде, Болгарии и Сербии со Святой Горой.

Существенную роль в данном вопросе должен был сыграть и личный фактор — деятельность митрополита Киприана. Назначенный на русскую митрополию патриархом Филофеем в 1375 г., но окончательно утвердившийся на митрополичьем столе в Москве в 1390 г. (умер в 1406 г.), Киприан во время своей жизни в России поддерживал связи с константинопольской патриархией и с болгарским патриархом Евфимием. Наряду с посланиями по разным церковным вопросам (в частности и в связи с вопросом церковных имений) и прощальным письмом, написанным за 4 дня перед смертью, Киприану принадлежит житие св. Петра митрополита Московского, в котором с полной ясностью проявился абстрагирующий панегирический стиль южнославянской агиографии со всеми особенностями этого направления. Многочисленные сербские и болгарские рукописи, принесенные на Русь при Киприане (почему и получили название «киприановских»), распространяли в России новый литературный стиль вместе с новым правописанием и новой графикой.¹⁹⁷

¹⁹⁷ О митрополите Киприане: Йорд. Иванов. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406). — Известия на Институт за Българска история, т. VI. София, 1958, стр. 25—79; И. Снегаров. К истории культурных